
КАТЕГОРИИ РОДА КАК РЕЗУЛЬТАТ ФОРМИРОВАНИЯ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

МАДОЯН В. В.

Описание языковых фактов и их теоретическая интерпретация необходимы не только для их констатации, но и использования в лингвистических исследованиях в качестве исходных фактов для доказательств. Одним из загадочных явлений в современных языках, как в индоевропейских, так и в семитских, остается категория рода, которая, охватывая разные согласовательные классы имен или слов, связанных с именем, остается абсолютно формальной. Если иметь в виду, что современное языкознание в определении и классификации языковых явлений опирается на принцип единства формы и содержания, то категория рода, бессодержательная, оказывается выделенной постольку, поскольку она формально выражена. Ни в одном языке – ни в древнем, ни в современном, нет оснований для выяснения семантики родовых противопоставлений, тем более что они оказываются по-разному выраженными в разных языках, варьируя по всему индоевропейскому ареалу так же, как и в диалектах одного и того же языка.

Историческая грамматика связывает развитие родовых отношений с противопоставлением праиндоевропейских существительных по определенности–неопределенности, одушевленности–неодушевленности и т. д., конструируя определенные гипотезы, фактически не имеющие никакой доказательной силы. Наиболее известна гипотеза А. Мейе, который считал, что род – “одна из наименее логичных и наиболее непредвиденных категорий”¹, появившаяся из оппозиции активного–неактивного начал: системы одушевленного (несреднего)/неодушевленного (среднего) рода, развившейся в систему “женский, мужской, средний род”: “в индоев

¹ Фортунатов Ф. Ф. *Избранные труды*, т. 2, М., 1957, с. 202.

ропейском одушевленный род противопоставлялся неодушевленному (среднему), а внутри одушевленного проводилось часто противопоставление мужского и женского; но некоторые языки, как, например, литовский и латышский, утратили различие одушевленного и неодушевленного; в других же, например, в армянском и новоперсидском вовсе отсутствует различие родов”². Позднее эта идея постоянно повторялась в некоторых вариациях, хотя трудно предположить, исходя из чего род в индоевропейском должен был быть основан на противопоставлении, к примеру: одушевленности – неодушевленности, т. е. быть одушевленным и неодушевленным и “проводить различие между богами, человеком, небесными светилами, с одной стороны, придавая их названиям форму мужского или женского рода, и детьми, рабами, результатами действия – с другой, придавая им форму среднего рода”³, тогда как фактический материал индоевропейских языков этого не отражает в принципе. Более того, формально больше противопоставлены друг другу не мужской и женский – среднему, а мужской и средний – женскому.

Интересно, что, не находя выхода, А. Мейе в своей “семантической интерпретации” стал связывать род с категорией одушевленности, с совпадением падежа субъекта (в нашем понимании – имен.) с падежом объекта (вин.), что, конечно, могло произойти только после прекращения действия в праязыке закона открытого слога и еще неисследованных фонетических процессов, приведших к утрате конечных гласных индоевропейских основ. Он писал: “Общеиндоевропейский язык противопоставлял “одушевленный” род, допускавший различие падежа подлежащего (именительного) и падежа дополнения к глаголу (винительного) в единственном и во множественном числе, роду “неодушевленному” (среднему), никогда не допускавшему этого

² Бодуэн де Куртене И. А. *Избранные труды по общему языкознанию*, т. 1, М., 1963, с. 69.

³ Степанов Ю. С. *Основы общего языкознания*, М., 1975, с. 129.

различия. Одушевленный род содержал два подрода: мужской род – для существ мужского пола или воспринимаемых как таковые и женский (имевший форму основы, производной от основы мужского рода) – для существ женского пола или воспринимаемых как таковые (например, *земля, деревья* и т. д.). В отличие от противопоставления “одушевленный: неодушевленный (средний) род”, выражавшегося различием формы именительного и винительного падежей, противопоставление мужского и женского рода выражалось различными основами и почти исключительно в прилагательном”⁴.

Комментирование таких высказываний, как “грамматический род принадлежит к числу общих человекообразных понятий (антропоморфических категорий), служащих для расчленения, приведения в порядок (?! – М. В.) и усвоения всего содержания мысли”⁵; грамматический род “выражает попытки нашего ума классифицировать все разнообразные понятия, выраженные существительными”⁶, оставляем без внимания ввиду их абсолютной голословности. Трудно понять уникально последовательное стремление ученых на протяжении двух тысячелетий увидеть в родовых противопоставлениях семантический аргумент. Если же рассматривать род как формальное явление (каким он и является на самом деле) и оторваться от навязчивой идеи его семантической обоснованности, причины появления и развития категории рода окажутся более чем объяснимыми.

Категория рода в современных литературных языках трактуется как “лексико-грамматическая синтаксическая

⁴ Мейе А. *Общеславянский язык*, М., 1951, с. 367.

⁵ Потебня А. А. *Из записок по русской грамматике*, т. 3, М., 1985, с. 462. Интересно, что у И. А. Бодуэн де Куртенэ по этому поводу была совершенно иная точка зрения. Он считал, что “устранение различий по родам является для языка великим логическим прогрессом, является отрезвляющим актом” (Бодуэн де Куртенэ И. А., указ. соч. с. 246).

⁶ Вандриес Ж. *Язык*, М., 1937, с. 97.

категория”⁷, хотя ее можно связать с лексическим моментом только в парадигме противопоставления количественно весьма ограниченных названий живых существ по полу, правда, непоследовательно (ср. в современных русских диалектах Севера: *парнишко, девушко; Freulien, Mдdchen*, оба – ср. р. в немецком и др.). Грамматика же рода (куда входит, кстати, и синтаксис) заключается в склонении прилагательного и в согласовании его с формами существительного, причем в согласовании не по лексико-грамматическим признакам, а *по традиции*, ибо в одних диалектах русского языка и у А. С. Пушкина *лебедь белая*, в других диалектах и в современном русском литературном языке – *лебедь белый*. Слово, обозначающее *стол*, в русском и немецком мужского рода, во французском – женского и т.д.. Традиция употребления действует вопреки даже формальным факторам в языках, в которых последние являются определяющими в выборе рода. Так, в русском *староста, слуга* м. р., хотя они оканчиваются на – *а* и старостой, и слугой может быть и женщина.

В то же время простое сравнение современных индоевропейских языков показывает, что категория рода существует в языках, в *которых сохраняется словоизменение прилагательного*. В английском, армянском, новоперсидском нет рода, поскольку нет словоизменения прилагательного. Это обстоятельство обязывает связывать историю рода не с историей существительного, а с историей прилагательного. Можно даже допустить, что не прилагательные согласуют свои формы с существительными, а существительные употребляются (согласуются) с определенными формами прилагательных, тем более что одно толкование ситуации допустимо настолько же, насколько допустимо другое: они оба отражают традиции употребления и не имеют под собой никаких семантических оснований.

⁷ Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970, с. 317.

Возможность употребления существительного без прилагательного и отсутствие обратной возможности подчеркивает синтаксическую зависимость прилагательного от существительного, что и заставляет лингвистов видеть категорию рода не в природе прилагательного, а в природе слова, которому оно подчинено в словосочетании, а именно – в природе существительного, хотя существительное становится носителем этого признака только при определении прилагательным.

Следует признать, что в исторических реконструкциях для ранних (дописьменных) периодов развития можно исходить только из гипотетических предположений, поскольку определить сегодня состояние праиндоевропейской морфологии, “разноцветной” в своих диалектах во всем ареале, постоянно меняющейся от хронологического периода к периоду, от ассимиляции одного народа к ассимиляции другого, по данным современных языков, думается, не представляется возможным.

Оговорим также собственно терминологический аспект: род стал называться мужским, женским и средним после Дионисия Фракийского (а может быть, и до него), что совершенно не отражает сущности категории: ее оппозиции могли быть названы также первой – второй – третьей или как-то иначе, поскольку в сознании носителей языка они становятся мужской – женской – средней (или мужской и женской) только после их осознания в теории языка (после школьных курсов языковой подготовки и т. п.).

О том, что понятие категории рода имело свою историю становления и не всегда определялось как оппозиция двух или трех членов, свидетельствуют теоретические обобщения древних ученых. Так, Дионисий Фракийский (170– 90 гг. до н. э.) выделял три основных рода (мужской, женский, средний) и два побочных: общий (к нему относилось, например, греческое “собака”– муж. и жен. р.: ср. в русском *забияка*, *умница*); и совместный, к которому относились названия животных и птиц без дифференциации на самцов

и самок: ср. в русск. *соболь, медведь, орел, ласточка* и др.. Правда, средний род он назвал “никаким” вместо “вещного” рода Протагора⁸. Аполлоний Диаскол (II в. н. э.) утверждал, что “род определяется грамматической формой, а не значением слова” и в отличие от Дионисия выделял четыре рода: мужской, женский, средний и общий, объединяя в последнем дионисиевские общий и совместный роды⁹. В современных языках тоже выделяется общий род, который определяет двуродовые существительные. В русском слова *умница, зазнайка, растяпа, зануда* и др. относят к общему роду, но это не четвертый род. Эти слова или мужского, или женского рода в зависимости от пола обозначаемого лица, редко – животного. Существительные данного типа, можно сказать, изменяются по родам: мужскому и женскому – без словообразовательных средств (с помощью нулевого аффикса). В принципе изменением по родам можно было бы назвать и такие систематические отношения, как *ученик – ученица, учитель – учительница, работник – работница, заяц – зайчиха, староста – старостица* и т. д. (ср. у прилагательных: *новый – новая – новое*). Изменение по родам связано с изменением окончаний (у прилагательных). У существительных указанные изменения не называются изменением по родам, поскольку они не охватывают с достаточной последовательностью все существительные, и изменение рода осуществляется здесь не с помощью окончания, а с помощью суффикса. Более того, в современном армянском существительные в имен. п. имеют несколько окончаний, как в русском, однако это не дает оснований для выделения в армянском родовой оппозиции.

Поскольку в современных литературных языках, сохраняющих род, под влиянием литературной разговорной стихии усиливается выражение пола лица с помощью родовых противопоставлений, причем как в направлении от назва-

⁸ История лингвистических учений, Л., 1980, с. 217.

⁹ Там же, с. 225.

ний мужчин к названиям женщин, так и наоборот (ср.: *врач – врачиха, доктор – докторша* и *доярка – дояр*), можно было бы констатировать усиление категории рода, его семантизацию. Однако уже давно замечено, что во всех современных языках происходит утрата категории рода. Во французском языке он последовательно фиксируется только в литературном произношении у слов, противопоставленных по полу. В русском и немецком языках категория рода разрушается по всему региону их распространения. По замечанию С. П. Обнорского, русский язык мог бы и утратить род, если бы не влияние литературного языка, поскольку в большинстве диалектов сохраняется только мужской и женский род, а в части диалектов – его нет вовсе¹⁰. И это еще одно свидетельство формальной сущности этого явления.

Если исходить из особенностей словоизменения прилагательного и постараться восстановить его исходное состояние, то, опираясь на общую теорию происхождения и развития языков, следует предположить, что до выделения в отдельную часть речи (из существительных) прилагательные входили в систему склонения существительного и относились к тем же или к таким же основам, что и субстантивы. Назовем это состояние исходным для развития ситуации, из которой в будущем выделились родовые противопоставления. Оно характеризуется актуальностью индоевропейских основ – словообразовательных формантов, может быть, и связанных с лексическим фактором (ср. реконструируемые для того периода названия членов семьи: **pater, *mater, *brater, *sister*, возможно, восходящие к одной и той же и.-е. основе, названия детенышей на **ent*, однако такие реконструкции являются единичными и охватывают исключительно ограниченный материал). Ср.: “Основообразующие элементы являлись, видимо, своеобразными

¹⁰ Обнорский С. П. *Именное склонение в современном русском языке*, Л., 1927, с. 217.

классными показателями, дифференцирующими основы по каким-то (? – М. В.) семантическим признакам. Однако очень рано, еще в индоевропейскую эпоху, различия между основообразующими элементами слова и суффиксами стали стираться в связи с забвением исконных значений первых¹¹. Вряд ли у кого-либо сегодня вызывает сомнения то, что слова *мужчина* и *женщина* связаны с одним и тем же словообразовательным аффиксом – вопреки семе, указывающей на пол.

Развитие человеческого мышления – после выделения предметов – привело к выделению их признаков, которые также обозначались существительными. Сложилась ситуация, схожая с той, которая существует в современном английском: *city part* “часть города”, *education development* “развитие образования”, или в ряде случаев в современном армянском: *khar lrutjun* “камень-тишина”, т. е. “абсолютная тишина”, что показывает допустимость такого употребления.

В и.-е. яз. существительные склонялись, и следует допустить, что существительные, которые называли признаки, определенное (длительное) время сохраняли свое склонение. Для этого периода наличие категории рода исключается.

По предположению ряда ученых, в и.-е. языке будущие прилагательные имели свои основы¹², но, коль скоро они были существительными, они могли относиться и к тем основам, которые известны как основы субстантивов-названий предметов, поэтому могли склоняться как последние, т. е. иметь парадигмы, аналогичные парадигмам существительных – названий предметов, что отчасти зафиксировано в древнегреческом, латинском, полностью – в старославянском, древнерусском, что свидетельствует о возможности такого состояния: ***bonā rosā–bonae rosae –bonām rosām*** – формы первого склонения и др. в латинском. Существительные ***bellum*** (“война”) и ***mare*** (“море”) – ср. р., парадигмы согласуе-

¹¹ Бернштейн С. Б. *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*, М., 1974, с. 133.

¹² Фортунатов Ф. Ф., *указ. соч.*, с. 355.

мых с ними слов – различны: они совпадают с парадигмой соответствующего существительного.

Реконструируя индоевропейскую языковую систему, не следует забывать, что это был не литературно обработанный, нормированный язык типа современных литературных языков развитых наций, в которых четко можно выделить, например, систему падежных, числовых или родовых противопоставлений в морфологии имени (если таковые имеются). Это была группа близких (на разных уровнях языка) говоров, стоявших на разном расстоянии друг от друга, постоянно испытывающих влияние соседних языков и говоров – как индоевропейских, так и не индоевропейских.

Поскольку подавляющее большинство существительных принадлежало основам на *ā* и *ō*, по общим законам развития языка следует предположить, что и существительные – названия признаков в подавляющем большинстве принадлежали этим типам склонения, которые имели одну парадигму на *ā* и две парадигмы на *ō* (в соответствии с выделением у слов на эту основу двух типов склонения существительного, обусловленных судьбой форм им. п. ед. ч.). Это обстоятельство подтверждается тем, что в древних и.-е. языках подавляющее большинство прилагательных принадлежало названным типам склонения. Ср. в древнегреческом, в латыни, в праславянском и т. д.

Состояние параллельного склонения существительного – названия признака и существительного – названия предмета по законам узуального употребления языка должно было выработать *согласование по форме*, в результате чего существительные – названия признаков утратили свое склонение и стали уподобляться в словосочетании по форме соответствующим существительным – названиям предметов вообще. Могло быть и обратное: уподобление форм существительного – названия предмета формам существительного – названия признака, что углубило бы, усилило бы кризис словоизменения, обусловленного индоевропейскими основами. Этот процесс согласования по форме и является нача-

лом формирования новой части речи – прилагательных, ибо выделение одной части речи из другой есть приобретение новых морфологических признаков, каким в данном случае и оказалось согласование по форме. Думается, согласование сначала касалось только названных трех типов склонения (на *-ā* и на *ǫ*), поскольку остальные субстантивы, переходящие в прилагательные, могли и сохранять свои формы при всех обстоятельствах. Например, в латыни **felix** (“счастливый, -ая, -ое”), **sapiens** (“мудрый, -ая, -ое”), **par** (“равный, -ая, -ое”), **fortis** (“храбрый, -ая, -ое”) даже в письменный период употреблялись в указанной, одной, форме со всеми существительными, уже согласовавшимися по форме с прилагательными на *-ā* и на *-ǫ*.

Усиление согласования по форме должно было привести к унификации адъективного склонения, что в наиболее последовательной форме было реализовано в праславянском языке (см. парадигмы склонения в древнеболгарском, древнерусском и т. д.). Унификация склонения прилагательных вокруг основ на *-ā* и *-ǫ* шла по-разному в разных регионах индоевропейского ареала – причем, как уже отмечалось, по чисто случайным обстоятельствам, исходя из традиции употребления, о чем и свидетельствует широчайшее варьирование родового значения как по отдельным языкам, так и внутри одного и того же языка (ср. ситуацию в русском, немецком, французском, испанском и т. д.), почему и родовые оппозиции не предаются никаким лексико-грамматическим классификациям. Этот период унификации адъективного склонения и есть время окончательного формирования родовых противопоставлений и окончательной утраты актуальности индоевропейских основ. Хронологически его можно отнести к началу 1 тысячелетия до н. э.

В истории индоевропейских языков унификация склонения прилагательных, как известно, оказала существенное влияние на унификацию системы субстантивного словоизменения в большинстве языков рассматриваемого типа.

С установлением оппозиций адъективного склонения они

и были названы мужской – женской – средней, что, как отмечалось, является чисто терминологическим моментом, хотя и при желании его можно и обосновать. Прилагательные одной парадигмы согласовывались с существительными, которые, наряду с другими, включали и имена – названия лиц женского пола (эту парадигму лингвисты стали называть женской, а существительные, согласующие свои формы с этой парадигмой прилагательных – существительными женского рода). Другая парадигма прилагательных оказалась связана с существительными, среди которых были названия лиц мужского пола. Эти существительные стали называться существительными мужского рода. Противопоставление “мужской – женский” напрашивается прежде всего потому, что названия лиц мужского пола явно противопоставляются названиям лиц женского пола через такие оппозиции, как *раб* – *рабыня*, *царь* – *царица* в русск., *ter* – *tiruhi*, *struk* – *strkuhi* в армянск., *Lehrer*, *m* – *Lehrerin*, *f*, *Student*, *m* – *Studentin*, *f* в немецк. и т. д.

Третья парадигма по указанной причине оказалась средней, или нейтральной. Причем нейтральность среднего рода проявляется и в современных языках. Так, к среднему роду в русском языке относятся все заимствования, которые – в силу наличия на конце гласных, которых в русском в имен. п. быть не может, не могут принадлежать ни к мужскому, ни к женскому роду. Они включаются в средний род, хотя и последний также имеет установившееся окончание в исходном падеже – *-o(-e)*, которое не совпадает с конечными гласными заимствований: *барбекю* – среднего рода, хотя на конце – *ю*, а не *-o* или *-e*.

Однако, как отмечалось, дифференциация слов по родам не является последовательной ни в одном из и.-е. языков. В дальнейшем эти группы имен под влиянием разных лингвистических и экстралингвистических факторов постоянно пополнялись, слова переходили из одной группы в другую, что еще более осложнило историческое исследование рассматриваемого вопроса.

ՄԵՌԻ ԿԱՐԳԸ՝ ՈՐՊԵՍ ԱԾԱԿԱՆԻ
ՀՈԼՈՎՄԱՆ ՁԵՎԱՎՈՐՄԱՆ ԱՐԴՅՈՒՆՔ

ՄԱՂՈՅԱՆ Վ. Վ.

Ամփոփում

Հնդեվրոպական լեզուներում գոյականի քերականական սեռի զարգացման նոր վարկածի առաջարկը կապված է ածականի հոլովման պատմության հետ: Ենթադրվում է, որ սեռի հակադրությունն առաջացել է ոչ թե իմաստային, այլ անվանական հոլովման ձևավորման ընթացքում՝ ձևական գործոնների ազդեցության ներքո, ինչի պատճառով այն լեզուներում, որոնցում ածականը կորցրել է հոլովումը, վերացել են նաև գոյականի սեռի հակադրությունները:

GENDER CATEGORY - A RESULT
OF ADJECTIVE DECLENSION

V. MADOYAN

Abstract

In Indo-European languages, the recent theory in the development of the gender of nouns suggests a connection with the history of the adjective declension. Presumably, patrimonial relations were formed not due to semantic but formal factors in the period of nominal declension. This led to the disappearance of patrimonial oppositions.